

Возможен ли сегодня социализм в СССР?

Иосиф ДИСКИН

Многие наши коллизии при оценке современного общественного устройства, в том числе его соответствия так называемым критериям социалистичности, проистекают, по моему, из методологической непроясненности субъекта этой оценки. Здесь, как правило, современные социальные критерии и ценности применяются для анализа исторической ситуации, которая участвовавшим в ней лицам представлялась качественно иным образом. Естественно, оценка исторических событий с современных нравственных и социально-политических позиций возможна и необходима. Однако критериям общественно-научного знания, как известно, может соответствовать только такое умозрение, которое включает в себя анализ эволюции общественного сознания, процедуру соотнесения ценностей исследователя и обсуждаемых сообществ. В этой связи нас будет интересовать соответствие между доминирующей социально-культурной концепцией человека, на которой покоится общественный идеал, определенное социальное устройство, с одной стороны, и реально преобладающим в обществе социальным типом личности — с другой.

Социалистическая идея стала широко распространяться начиная с первой половины XIX в. в условиях обнажившегося кризиса либерализма после того, как выяснилось, что реализации принципа равенства всех перед законом недостаточно для воплощения гуманных идеалов Просвещения. Именно тогда началось интенсивное изучение тех препятствий, которые экономическое неравенство воздвигает на пути становления и развития личности. На основе критики либерализма, принципов неограниченной свободы предпринимательства, пренебрежения частным капиталом, интересами общества, ужасов подавления саморазвития личности началось формирование многих актуальных и сегодня течений социалистической мысли. Общим для них являлся тезис о том, что частная собственность, экономическое неравенство ведут к разрушению гармонии общественного устройства, лишают человека свойственной ему социальной сущности, препятствуют раскрытию его способностей и дарований. Их объединяло и нравственное неприятие ситуации, когда процветание и роскошь одних соседствовали с нищетой и деградацией, бесправием и убожеством значительной части трудящихся. Сочувствие «униженным и оскорбленным» составляло этическую опору для социального обличения существующего положения вещей. Вопрос же о том, каковы будут общественные трансформации, как изменится социальная действительность при разрушении сложившегося экономического механизма, оставался за пределами анализа. Более того, многие социалисты в

Дискин И. Е. — доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР. Специалист по социально-экономическим проблемам культурного развития и культурной политики.

своих пропагандистских призывах и теоретических работах опирались на тезис о «мгновенности» перерождения человека, освобожденного от оков угнетения. Отсюда вытекали возможность и необходимость революционных преобразований.

Другим важным для нас аспектом значительной части социалистической, и прежде всего марксистской, мысли являются разногласия по поводу роли личности в общественном идеале. Часть идеологов социализма во многом в соответствии с традициями феодального сознания призывали идти к воссозданию человеческой общности, разрушаемой капитализмом, через отказ от личностной индивидуальности. Многие марксисты оказались в плену таких представлений. Это тем более парадоксально, что Маркс обращал внимание на ограниченность подобного подхода. В рамках этого сознания коммунизм «в его первобытной форме является лишь *обобщением* и *завершением* отношения частной собственности... господство частной собственности над ним еще так велико, что он стремится уничтожить все то, чем на началах *частной собственности* не могут обладать все; он хочет насильно абстрагироваться от таланта и т. д.»¹. Родившимся в ходе разрушения феодальных отношений руссоистским представлениям о том, что все люди изначально равны и лишь несправедливое устройство общества приводит к различиям между ними, соответствует идеал социальной справедливости, отождествляемый с общественным устройством, поддерживающим всеобщую уравнительность. По существу, эти представления были связаны с прорывом исторически сложившегося порядка жизни. Все утопии, формировавшиеся в их рамках, функционировали по образу либо монастыря, либо карнавала. Предполагалось, что члены утопического сообщества работают на общее благо так же истово и самозабвенно, как в монастыре все трудятся ради спасения души. С другой стороны, привычный обыденному сознанию идеал праздничной, всенародной, лишенной каких-либо социальных различий, свободной жизни — образ вечно длящегося карнавала — во многом способствовал формированию социалистических представлений о пути к всеобщему счастью².

Социал-демократия стала иной ветвью социалистического сознания. Для нее центральной, основополагающей ценностью были права личности. Марксистскую идею о том, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех», можно считать исходной точкой в разработке всего комплекса социально-экономических и политических условий, необходимых для обеспечения свободного развития личности. При этом представлялось, само собой разумеющимся, что необходимым условием социалистических преобразований является высокий уровень личностного, в том числе нравственного, развития.

Все социально-экономические конструкции послемарксовской социал-демократии имплицитно содержат представления о том, что чисто экономическая мотивация, основанные на ней механизмы стимулирования экономических субъектов уже недостаточны или даже становятся препятствиями для развития производительных сил, раскрытия сущностных характеристик человека. Но возможность перехода от товарного к новому, более высокому типу общественного производства в качестве своей социально-антропологической, социокультурной основы требует, с точки зрения социал-демократических доктрин, такого уровня и характера развития личности, при которых в ходе многообразной социальной деятельности доминируют уже не экономические, а внеэкономические мотивации. То есть в новом обществе «экономический человек» уже не является опорой общественной жизни. К сожалению, необходимость такой перемены в мотивационном комплексе для перехода к новому обществу далеко не всеми осознается³.

¹Маркс К, Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 586.

²Для оценки связи социалистических утопий и карнавала см. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990, с. 543.

³ Но если не уясны взаимосвязи между социально-культурной концепцией личности, с одной

Две различные концепции, одна из которых ориентирована на ценности воссоздания исходного тотального равенства людей, другая — на самоценность личностной индивидуальности, породили две тенденции в социалистическом сознании. Но так как различия между указанными концепциями зачастую не рефлексировались, то и тенденции общественного переустройства теоретически смешивались. Все это было хорошо показано в ходе попыток обновления марксизма, предпринятых Франкфуртской школой. Мне же необходимо напомнить об этом, прежде чем перейти к рассуждениям об отечественных коллизиях.

* * *

Социалистические преобразования в нашей стране, как мне уже пришлось писать, осуществлялись по принципу воплощения в жизнь разработанных в рамках социалистической идеологии определенных социально-экономических и политических инструментов и конструкций⁴. При этом в строгом соответствии с марксистской социальной теорией поддержку общественных сил получали те тенденции, воплощались в практику те социальные институты, которые наиболее полно отвечали идеалам и интересам доминирующего типа личности. Так, попытка непосредственного всеобщего перехода к внеэкономическим производственным отношениям была начисто отвергнута почти всеми слоями российского общества. Компромисс нэпа, как представляется, заключался в попытке перехода от идеолого-телеологической парадигмы развития, основанной на реализации поставленной цели путем внедрения в общественную жизнь методами революционного насилия общественных инструментов, привнесенных из социалистической идеологии, к парадигме идеолого-генетической, т. е. к стратегии воплощения в жизнь социалистических идеалов путем регулируемой постепенной социально-исторической трансформации наличного российского общества. Но такая смена парадигм требовала «перемены всех наших взглядов на социализм», к которой большинство членов РКП (б) оказалось не готово.

Ключевым в сложившейся ситуации было отношение к новой политике крестьянства. В 1925 г., когда еще никто из лидеров не осмеливался поднимать вопрос о свертывании нэпа, крестьянство посылает первый серьезный сигнал: при общем хорошем урожае было закуплено на 200 млн пудов зерна меньше, чем рассчитывали. Это поставило под угрозу не только экспорт, но и всю социально-политическую стратегию, в том числе оживление промышленности и, следовательно, поддержку рабочего класса. Условия нэпа не дали существенных стимулов для рационализации значительного числа крестьянских хозяйств.

стороны, и общественным механизмом — с другой, то зачастую делаются ложные выводы. Так, сегодня вообще ставится под сомнение возможность существования хозяйственного механизма, не опирающегося на чисто экономические интересы и соответствующую мотивацию. Этот миф и сегодня служит опорой для проектов реформ крайне радикально-либерального толка. На нем же базируются и идеи тотального распространения рыночных отношений на все сектора народного хозяйства, включая науку, культуру, образование и здравоохранение. Однако следует вспомнить, что лучших достижений в хозяйственной деятельности средневековой Европы и России добивались монастыри. И современная экономика Японии, как известно, базируется не столько на экономической мотивации, сколько на приверженности японцев корпоративным ценностям. Если в качестве критерия общественного механизма взять доминирующий тип мотивации, то можно сделать вывод о возможности эффективного хозяйственного механизма, в котором экономическая мотивация не является главной. В принципе это означает теоретическую возможность существования коммунистического способа производства, но ставит новую проблему. При каких условиях возможны формирование и длительное господство внеэкономической, опирающейся прежде всего на внутренние нравственные основания трудовой мотивации. Бердяев указывал, что таким условием может быть только искренняя христианская вера. Схожим образом на этот вопрос отвечал Вебер. У них были и оппоненты, доказывающие, что возможна высокая устойчивая, в том числе трудовая, мораль на атеистической основе. Это — Маркс, Ницше, Фрейд.

⁴ Подробнее этот вопрос рассмотрен в статье: Дискин И. В путях возмнившего разума. «Общественные науки», 1990, № 4.

К этому следует добавить, что традиционалистские, полупатриархальные ориентации, доминировавшие в деревне, также серьезно препятствовали развитию рыночных отношений: С трудом прокладывали себе дорогу достижения сельско-хозяйственной науки. Стоит задуматься над фактом, приведенным в выступлении М. Калинина на XIII съезде РКП (б): «...в нашей земледельческой стране, где до 20 млн крестьянских хозяйств, среди 10 тыс. агрономов наблюдается значительная безработица»⁵. Нельзя игнорировать и позицию влиятельных представителей рабочего класса, на XII съезде РКП (б) встретивших в штыки предложение Троцкого о том, чтобы ради сбалансированности народного хозяйства, повышения его эффективности пойти на рационализацию промышленности, в том числе сократить излишний персонал и закрыть ряд предприятий тяжелой промышленности, работающих на дотации. Эти предложения были квалифицированы как создающие угрозу потери поддержки партии рабочим классом. Таким образом, в те годы в недрах общества зрели две мощные социальные тенденции, соответствующие уже знакомым нам двум тенденциям социалистического сознания. Первая, связанная с активизацией личностной социальной и экономической активности, получала выражение как в развитии собственно нэповских инициативных секторов экономики, повышении эффективности работы части государственных предприятий, так и в формировании значительного числа «культурных» хозяйств на селе. Вторая же, питающаяся традиционалистскими настроениями, была связана с болезненной реакцией на происходящие социальные изменения представителей слоев, органически не принимавших реалии рыночной экономики, требующих инициативы и личной ответственности. Мы знаем, что в конце концов интересы большинства, т. е. традиционалистской части рабочих и крестьян, стали рассматриваться партией в качестве ориентира для реализации социалистических идеалов. В результате равенство стало интерпретироваться как тождественность, отсутствие различий между людьми, а социальная справедливость — как обеспечение всеобщей уравнительности. Опираясь на поддержку традиционалистских сил, руководство страны по вернуло к прежней идеолого-телеологической парадигме. Если учесть, что новое социальное устройство обеспечило тем слоям и группам, которые разделяли соответствующие представления и идеалы, достаточно высокую социальную мобильность и отчасти рост доходов, то становятся понятными положительные оценки этими слоями такого социального устройства. К тому же и их культурный горизонт, и тотальный идеологический контроль способствовали оформлению вывода о построении социалистического общества. Если исходить только из феноменологической оценки общественного устройства указанными слоями и группами населения, то с таким выводом можно было бы согласиться, несколько уточнив его. Данные слои и группы рассматривали наличное социальное устройство как социалистическое, поскольку оно в значительной мере соответствовало их социально-антропологическим или социокультурным представлениям о равенстве и социальной справедливости. Именно на такой феноменологической оценке базируется сегодня позиция идейных противников перемен происходящих в СССР.

Однако ныне общественное мнение уже не приемлет данную оценку. Все более широкими социальными слоями овладевает идея, что созданное у нас общество нельзя назвать социалистическим, хотя бы и деформированным, так как его становление происходило за счет социального вытеснения и прямого уничтожения общественного уклада, опирающегося на личность, а также и потому, что, по существу, изменился социальный субъект оценки.

Сегодня превалирующей точкой отсчета стали позиции тех социальных сил, которые последовательно изгонялись и изживались при доличностном социализме, доминировавшем в нашей стране. Личностно ориентированные силы, для

⁵ Тринадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1973, с. 447.

которых возможности раскрытия всех индивидуальных способностей и дарований являются исходным пунктом при оценке социального устройства, естественно, не могут рассматривать советское общество как социалистическое. Более того, сторонников такой позиции искренне удивляют определения социализма типа «гуманный» или «демократический», ибо, по их мнению, социализм другим быть и не может. Действительно, там, где нет места свободе личности, нет и социализма.

Очередная «перемена всего нашего взгляда на социализм» связана с тем, что *на общественной арене начинают доминировать в социальном смысле (но пока, отнюдь не численно) слои и группы, ориентирующиеся на ценности достоинства и саморазвития личности.* Эти слои и группы вышли из подполья построенной в стране системы, нацеленной на личностное нивелирование и утверждение почти сословных, «квазифеодальных» статусно-распределительных механизмов. Именно потому они так настойчиво выдвигают социально-политические проекты преобразований, направленные на ликвидацию системы номенклатурных привилегий, которые их волнуют не столько сами по себе, сколько как символы статусных перегородок, как барьеры для социальной мобильности, основанной на личных достоинствах и демократических механизмах. В силу тех же причин данные группы акцентируют свое внимание на проблемах политической и экономической свободы, на демократии и рынке. Вырвавшийся дух личностной свободы пытается сломать все преграды на пути к самовыражению. Естественно, что результаты этого самовыражения равнозначны качеству социально доминирующего типа личности, сформированного всей нашей предшествующей жизнью, уровнем ее нравственности, рациональности, социальной ответственности.

Не следует удивляться, что в ходе перестройки доминирует «институциональный фетишизм». Предлагаемые социально-экономические реформы, отдельные социальные институты рассматриваются прежде всего с позиций их соответствия «символам веры», утверждаемым вновь идеалам. «За кадром» остается вопрос об их практической встроенности в систему сложившихся общественных отношений, традиций и интересов различных слоев и групп населения. Налицо упование на то, что провозглашение тех или иных социальных реформ или внедрение конкретных социально-экономических институтов само по себе чудесным образом изменит ситуацию.

Действительно, так бывает, когда проводимые реформы соединяются с социальными интересами, с мощным напором масс. Последним таким примером была борьба за гласность. Однако анализ итогов выборов в республиканские и местные советы, масштабов распространения новых форм экономической деятельности показывает, что слои и группы населения, ориентированные на приоритет ценностей личностного достоинства, экономической и политической свободы, еще не стали доминирующими во всей стране, хотя и получили преобладание в ряде ее районов. Это позволило сформировать архипелаг регионов с новой властью. Но в целом можно констатировать, что в нашем обществе наличествуют по крайней мере два мощных, сопоставимых по социальной силе и численности общественных уклада: личностно ориентированный и традиционалистский. Соответственно, радикально рознятся и представления о социалистическом идеале, о путях его достижения.

Проблематика нэпа совсем не случайно заняла так много места в советской публицистике, да и в данной статье. По существу, в современном общественном сознании вновь столкнулись две радикально расходящиеся ориентации. Вновь, как и в период нэпа, страна делает попытку перейти к идеолого-генетической парадигме в надежде на этой основе реализовать переосмысленные социалистические идеалы. Вся сложность и противоречивость проводимых реформ как раз и заключается в том, что никак не удастся осуществить генетический характер развития. «Институциональный фетишизм», использование готовых социальных институтов и механизмов, слабо укорененных в отечественной об-

щественной почве, постоянно сталкивают перестройку на телеологические кампании — борьбы с пьянством, войны с преступностью, массовой арендизации и т. п. Такой же телеологической установкой, пережитком «институционального фетишизма» являются упования ряда слоев общества на частную собственность как панацею от неэффективности нашей экономики.

Именно социокультурные факторы будут в решающей степени определять характер периода становления рыночных отношений. При этом уже сейчас можно предвидеть, что основные трудности будут связаны не столько с собственно экономической стабилизацией, сколько с приватизацией. Ограниченность атмосферы общественной поддержки инициативных секторов экономики станет вступать в противоречие с потребными масштабами этого процесса. В этом звене реформ опять создается новое поле для столкновения генетических и телеологических ориентации общественного развития. Парадокс заключается в том, что переход к последовательно генетическому типу развития, одним из факторов которого как раз и являются приватизация, рыночные отношения в целом, видимо, будет возможен только на основе телеологического, силового нажима. Но преодоление «институционального фетишизма» в ходе реформ немислимо без осознания места и роли силового нажима при смене парадигмы общественного развития.

Внутренняя непроясненность философии реформ, смещение реальных источников социальной поддержки и идеологических мифов о том, кто обязан поддержать перестройку, приводят, с одной стороны, к новым противоречиям, с другой — к усложнению взаимоотношений среди тех, кто в принципе может быть объединен «социалистическим выбором». В результате усиливается общественное размежевание, которое получает все более отчетливое оформление в идеологической, политической и социально-экономической областях. Это размежевание сопровождается ростом многообразия общественных позиций в рамках как лично ориентированного, так и традиционалистского уклада.

Оба уклада имеют сильные социалистические течения. Но все же больше в них различий. В традиционалистском получили распространение «квазиславянофильские», почвеннические идеалы, апеллирующие к общинным ценностям. Здесь же актуализировались ценности преемственности исторической судьбы нашего отечества. Еще более разнообразной является идейная палитра лично ориентированного уклада. Утверждающая свою самоценность личность находит опору в самых разных социально-политических воззрениях, с которыми она с различной степенью рефлексии способна соотнести свои реальные социально-экономические и политические интересы.

Сказанное означает, что сегодня в нашей стране складывается очень сложная диспозиция отношений к социализму. Традиционалисты рассматривают уравнительную социальную защищенность как естественную норму жизни и не хотят разрушения своей социально-экономической скорлупы, за пределами которой их ждет конкурентное противоборство с непредсказуемыми результатами. Часть из них не готова «поступиться принципами» и будет защищать свои мифы «до последнего патрона». Других же в условиях глубоких общественных перемен могут привлечь ценности свободы, личной инициативы, возможности самостоятельно решать свою судьбу. И вполне возможно, что эти люди, преодолев тяготевшие над ними стереотипы и ринувшись в мир рынка, рассчитывая при этом на свои энергию и трудолюбие, на первых порах будут больше прислушиваться к тем, кто зовет их к неограниченной политической и экономической свободе. Голоса же других, апеллирующих к взвешенной разумности, социальной справедливости, предостерегающих против возможной социальной напряженности, будут им казаться призывом вернуться в прошлое, прах которого они только что отряхнули со своих ног.

Лично ориентированный уклад также будет менять свое отношение к социализму. Построенный в нашей стране социализм опирается на ныне уже теряющие господство общественные слои. Значит, его легитимность станут

оспаривать самые различные социально-политические силы. Трансформированное общество, по существу, должно делать выбор заново. И результаты этого выбора в немалой степени связаны с разработкой обновленной модели социализма, опирающейся на реальные тенденции социального развития и обладающей в силу этого привлекательностью для тех слоев и групп, которые будут набирать силу и общественное влияние. Одновременно нельзя обойти вниманием и вопрос о стратегии переходного периода, в ходе которого неизбежна борьба за осуществление и упрочение нового общества.

Данная стратегия, на мой взгляд, должна учитывать параллельное существование в стране двух вышеназванных укладов. С одной стороны, в этот период необходимо обеспечить всемерную поддержку лично ориентированного уклада, использование его растущих экономических и социальных ресурсов для реализации индивидуальных возможностей тяготеющих к нему людей и удовлетворения на этой основе растущих социальных потребностей всего общества. С другой — в ходе переходного периода необходимо использование всех «живых» ценностей традиционалистских слоев и групп. Для этого следует повысить эффективность функционирования различного рода общностей — производственных, территориальных, групповых и т. п. Именно в таких общностях можно относительно бесконфликтно совмещать интересы как лично ориентированных групп, которым необходимо часть своих проблем решать в их рамках, так и традиционалистских, исходно приемлющих различные формы коллективизма и рассматривающих подобные общности сквозь призму своих устоявшихся воззрений. Весомым аргументом в поддержку такой переходной стратегии можно считать то, что она оказывается направленной своим острием против «маргинализированных» слоев, слабо связанных с позитивно ориентированными общественными структурами, воссоздающими свои собственные «теневые» механизмы социального регулирования.

Важным условием бесконфликтного сосуществования двух общественных укладов является реализация *принципа эквивалентности* в функционировании общественного механизма. Дело в том, что представители каждого из этих укладов принципиально по-разному ориентированы на взаимоотношения с государством. Традиционалисты исходят из патерналистской обязанности государства обеспечивать социальные нужды граждан и, соответственно, имеют установку на систематическую государственную поддержку. Странники лично ориентированного уклада требуют существенно большей индивидуальной ответственности за условия собственной жизни. Уже в этих различиях кроется источник серьезных социальных конфликтов при решении вопроса об эквивалентности взаимоотношений между укладами. Но дело, как представляется, не ограничивается этим. Функционирование общественного механизма возможно рассматривать в качестве справедливого только в том случае, если *каждая из крупных общественных групп признает нравственные основания, лежащие в основе такого механизма*. В противном случае подрывается органичность его функционирования. Такой подрыв нравственных социальных устоев может привести к длительной атаке общественного устройства не только криминальными группами, но и целыми социальными слоями. В качестве примера можно привести синдром «несуна», являющийся ярким свидетельством массового конфликта между правовыми установлениями и получившими распространение моральными нормами.

* * *

Сегодня нам жизненно необходим переход к непосредственно человеческому измерению общественного устройства. Такое измерение предполагает не просто плотное встраивание общественных институтов в социальный контекст, установление тесной связи между стимулами, предлагаемыми этими институтами, с одной стороны, и мотивами, ценностями социальных групп — с другой. Специ-

фики подхода здесь заключается, скорее, в том, чтобы, преодолевая «институциональный фетишизм», *изменить всю логику формирования социальных, экономических и политических институтов*. Такие институты в их человеческом измерении должны являть собой как бы непосредственную оболочку ценностей и мотивов социальной деятельности, опосредованную соответствующими социально-экономическими и организационно-правовыми инструментами и установлениями. Здесь необходим поиск новых путей в формировании социальных институтов, обеспечивающих отклик на усложнение системы мотиваций во всех областях общественной жизни. В этом пункте социалистическая перспектива смыкается с общим цивилизационным процессом.

Переосмысленный социализм в качестве необходимой социальной основы требует высокого уровня личностного развития. В то же время простое наблюдение за окружающей действительностью, материалы многих социологических опросов, характеризующие отношение к демократическим институтам и рыночной экономике, подтверждают печальный факт, что такой основы мы сегодня почти не имеем. В этом смысле тенденции укрепления личностного потенциала, упрочения деятельностной ориентации людей на инициативу, индивидуальную ответственность и другие аналогичные ценности в решающей степени будут определять социалистическую перспективу. В этой связи частная собственность как институт выковывания личности, упрочения ценностей экономической свободы может стать важным фактором подготовки общества к социализму. Проблема здесь сводится к рамкам функционирования частной собственности, в которых она не будет инструментом подавления инициативы, экономической и социально-политической свободы личности. Соответствующий баланс тенденций, который еще много раз изменится, необходимо систематически искать в рамках ориентации на непосредственно человеческое измерение, в установлении относительного равновесия в мире быстрого личностного развития.

В более широком плане социалистическая перспектива нашей страны связана с общецивилизационным процессом через новое, более широкое понимание рамок социальной мотивации. Историческое своеобразие социально-экономических реформ, осуществляемых в нашей стране, состоит в том, что они накладываются на необходимость перехода к постиндустриальному обществу. В рамках такого перехода рыночные механизмы, ориентированные на рациональную экономическую мотивацию, сталкиваются с потребностью создания условий для реализации существенно более широкой и разнообразной мотивации экономического и социального поведения.

В этой связи возникает сложнейшее противоречие, от разрешения которого зависит очень многое, возможно, и само место нашей страны в современном мире. Становление рыночного механизма наталкивается на кризис производственной этики. Нарушение заключенных договоров зачастую рассматривается как нормальный способ ведения дел, а не как прямое ограбление коллективов. Пресса заполнена материалами о прямом вымогательстве при заключении сделок. В такой ситуации представляются очередной утопией разговоры о том, что реформируемый хозяйственный механизм должен опираться на более широкий спектр мотивов экономической деятельности, чем непосредственное извлечение доходов и прибыли.

Сегодня доминирует представление, что если критерием деятельности предприятия является прибыль, то и все его нисходящие звенья должна пронизывать забота о ней. Конечно, такое тождественное воспроизведение мотивации и стимулов во всех нисходящих элементах хозяйственной деятельности было бы самым простым. Однако оно не учитывает некоторых деталей. Весь современный опыт управления научно-техническим прогрессом, инновационным процессом в целом показывает, что заинтересованность инженерно-технических коллективов лишь в прибыли дает только отдельные улучшения характеристик выпускаемой продукции, но не прорывы в создании принципиально новых образцов техники и технологий.

Выход на новые рубежи эффективности производства заставил зарубежный менеджмент достаточно широко взглянуть на социальную сущность личности, обратиться к подлинно человеческим мотивам ее деятельности. Не удивительно, что сегодня за рубежом и в отечественной публицистике самое большое внимание уделяется сопоставлению мотивов поведения работников американских и японских компаний. В ходе такого сопоставления удалось показать, что внеэкономическая мотивация — столь же могущественное средство, как и индивидуальное стремление к получению высокого заработка. Отчетливо наметилась тенденция обращения к человеку, участвующему в производстве, со всеми его достоинствами и недостатками. «Рационального индивида вытесняет сложный социальный индивид, человеческое существо с врожденными сильными сторонами и слабостями, ограничениями и противоречиями и иррациональностями»⁶. Более того, в последнее время начинается широкое осмысление практических и теоретических достижений менеджмента, складывание нового научного подхода, претендующего на преодоление ограниченности неоклассической экономики, базирующейся на ценностях индивидуализма. сторонники этого подхода используют достижения социальной философии, этики, эпистемологии, истории и методологии общественных наук. Они ставят задачу создания целостной деонтологической парадигмы Я—Мы⁷.

Таким образом, важной тенденцией современного цивилизационного развития является преодоление технократическо-рационалистического подхода к человеку только как к средству решения чисто экономических задач даже в рамках производства, не говоря уже о других сферах жизни. Логика повышения эффективности современного производства, требующего инновационной устремленности, учета широкого круга проблем общественного развития, заставила так трансформировать хозяйственный механизм, чтобы он предоставил личности значительно более широкие, чем раньше, возможности и горизонты для реализации своих сущностных сил и дарований, индивидуального самовыражения, инкорпорируемого в коллективные и даже общесоциальные усилия.

В свете этих новых горизонтов цивилизации и необходимо оценивать возможности и перспективы социалистических преобразований в нашем обществе. По существу, традиционной для социалистической мысли тенденцией как раз и стало создание таких производственных и в целом общественных отношений, при которых возникают наиболее благоприятные возможности для раскрытия всех дарований личности, для реализации ее сущностных сил. Более того, в истории СССР известны примеры, когда для решения ключевых задач оборонного характера создавались своего рода «заповедники социализма», где коллективам ученых и производственников обеспечивались по меркам того времени «райские» условия, включающие разнообразную систему не только материальных, но и моральных стимулов. Среди последних, например, для имитации духа свободы в номерных институтах допускались выставки «запрещенных» художников или выступления «сомнительных» бардов. Другой пример такого «локального социализма» — взаимосвязанная система закрытых распределителей, поликлиник, санаториев, дачных поселков и микрорайонов, зримой или незримой чертой отгороженных от тягот жизни всей страны. Сегодня время подобных «заповедников» уходит, хотя вовсе не исключено, что уже в рыночных условиях удачливый и трудолюбивый коллектив или регион, обладающий дефицитными природными ресурсами, смогут создать для себя условия работы и социальные условия, которые будут соответствовать их представлениям о социализме. Этаким «социализм» в отдельно взятом регионе, на заводе или в колхозе.

Если рассматривать ситуацию в целом, то хотелось бы присоединиться к оценке Ю. Левады: «Что же касается социальных ресурсов "вторичного" поряд-

⁶ Питере Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. М., 1986, с. 140.

⁷ См. E t z i o n i A. The Moral Dimencion. Towards a New Economics. New York, 1988.

ка (моральных и мотивационных), то существующие способы и формы их использования явно становятся менее эффективными: в значительной мере они также могут считаться исчерпанными. Меры по их воссозданию и реактивации не укладываются в рамки каких-либо чисто экономических программ. В этом направлении действуют радикальная перестройка управления экономикой, изменения в образе жизни и степени общественной активности трудящихся, в структуре общественного сознания»⁸.

То, в какой мере эти факторы окажут свое влияние на воссоздание моральных и мотивационных ресурсов, будет в решающей мере определять «человечность» реформируемой экономики, преодоление расстыкованности реальных мотивов и предлагаемых стимулов. Однако процесс «очеловечивания» не должен ограничиваться рамками общественного производства. Крайне важно, чтобы все общественные подсистемы обращались в своей деятельности ко все более широкому спектру ценностей и мотивов различных слоев и групп населения, учитывали их актуальные нормы и традиции.

* * *

Наша страна переживает период довольно острых социальных изменений, в ходе которых для значительной части населения утрачивается своя притягательность образ «доличностного» социализма. Личностное становление требует радикального обновления социалистического идеала, включающего в качестве исходной базисной ценности высокий статус личности, а в качестве критерия достижения этого идеала уровень реализации исторически и социально сформированных сущностных сил, способностей, дарований, ценностей и интересов личности. Это обновление социалистического идеала в качестве одного из главных условий должно включать *пересмотр нравственных источников, питающих политические действия*. Необходимо утвердить представление, напрямую вытекающее из непосредственно человеческого измерения, что социалистическое обновление это в первую очередь социально-культурная, а лишь во вторую — социально-экономическая и политическая проблема. Кстати, данная идея начинает получать все большее распространение в рамках ориентации на гуманистическое цивилизационное развитие. С этим же связано преодоление ограниченности классового подхода в условиях становления новой социальной структуры общества.

В этой связи необходимо определить нравственные позиции социализма в отношении различных слоев общества, выделить критерии такого определения. Мы хорошо знаем, во что обошлось нашей стране деление по имущественному признаку. Для любого обществоведа (и не только обществоведа) сегодня весьма сомнительной выглядит ориентация на защиту людей, «сидящих на зарплате». Видимо, социалистам пришла пора поставить во главу угла нравственные ориентиры людей и бороться со всеми социально-экономическими, политическими и правовыми барьерами, препятствующими личности реализовывать свои индивидуальные стремления. Исходя из таких этических критериев можно выстраивать требования к цивилизованным общественным отношениям.

Стимулы, предлагаемые социальными институтами, должны быть отражением всего спектра ценностей, интересов, норм и традиций, которыми люди руководствуются в своих действиях. Естественно, не тождественным, а институционально трансформированным отражением. В интересах общества необходимо учитывать не только положительные, но и негативные стимулы.

В реальной современной ситуации важной общественной задачей является содействие личностному развитию всех членов общества, и прежде всего тех,

⁸ Левада Ю.А. Какие ресурсы сегодня исчерпаны? "Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа". М., 1989, с.83.

кто сегодня ориентирован на иные механизмы социального регулирования. В то же время неоднородность структуры нашего общества, различия в фундаментальных ценностях и интересах его групп и слоев вряд ли позволяют рассчитывать на тождественность социального устройства разнородных общественных укладов — традиционалистского и лично ориентированного. Скорее было бы желательно формирование секторального общественного устройства, которое соответствовало бы различиям в реальных ценностях и идеалах людей, образно говоря, воплощало бы принцип «каждому по вере его». Серьезной трудностью при этом является обеспечение целостности всего общества, сохранение эквивалентности отношений между укладами, согласие всех граждан с подобным положением. Тем не менее, в этом случае можно надеяться на то, что энергичными усилиями значительной части общества в обозримой перспективе станет возможным сформировать социальные институты, реализующие в рамках крупного общественного уклада их социалистические идеалы.

© И. Дискин, 1991.